

Стендаль

**Собрание сочинений в
пятнадцати томах**

**Том 5. Итальянские хроники,
повести и новеллы.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С79

Стендаль Ф.
С79 Собрание сочинений в пятнадцати томах: Том 5. Итальянские хроники, повести и новеллы. / Стендаль – М.: Книга по Требованию, 2021. – 550 с.

ISBN 978-5-458-50264-1

Стендаль - один из тех писателей, кто составил славу французской литературы XIX века. Его перу принадлежат "Пармская обитель", "Люсьен Левель", "Ванина Ванини", вершиной же творчества писателя стал роман "Красное и черное".

ISBN 978-5-458-50264-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Итальянские хроники

ВАНИНА ВАНИНИ

или

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ О ПОСЛЕДНЕЙ ВЕНТЕ КАРБОНАРИЕВ,
РАСКРЫТОЙ В ПАПСКОЙ ОБЛАСТИ

Это случилось весенним вечером 182... года. Весь Рим был охвачен волнением. пресловутый банкир герцог де Б... давал бал в новом своем дворце на Венецианской площади. В убранстве этого дворца сочетались все великолепие искусства Италии и все ухищрения лондонской и парижской роскоши. Съехалось множество гостей. Английские аристократки — чопорные белокурые красавицы — сочли за честь появиться на балу у банкира. Они слетелись целым роем. Красивейшие женщины Рима соперничали с ними прелестью.

В залу вошла под руку с отцом молодая девушка: сверкающие глаза и волосы, черные, как вороново крыло, изобличали в ней римлянку; все взгляды устремились на нее. В каждом ее движении сквозила необычайная гордость.

Гостей-иностранцев поражала пышность этого бала «Никакие празднества монархов Европы не могут с ним сравниться», — говорили они.

У монархов Европы нет дворцов, созданных итальянским зодчеством; они вынуждены приглашать своих придворных дам, между тем как герцог де Б... приглашал только красивых женщин. В этот вечер его выбор оказался особенно удачен: мужчины были

ослеплены. Собралось столько пленительных женщин, что трудно было решить, кому отдать пальму первенства, но после недолгих колебаний царицей бала единодушно провозгласили княжну Ваину Ванни, черноволосую девушку с огненным взором. Тотчас же иностранцы и молодые римляне, покинув гостиные, столпились в бальной зале.

Отец девушки, князь Аздрубале Ванни, пожелал, чтобы она прежде всего протанцевала с двумя — тремя немецкими владетельными принцами. Затем она приняла приглашение нескольких англичан, весьма красивых и весьма знатных, но их накрахмаленный вид наскучил ей. Больше удовольствия ей, казалось, доставляло мучить молодого Ливно Савелли, по-видимому, страстно в нее влюбленного. Ливно был одним из самых блестящих молодых людей в римском обществе и тоже носил княжеский титул; но, если б ему дали почитать какой-нибудь роман, он на двадцатой странице отбросил бы книгу, заявив, что у него разболелась голова; в глазах Ваины это было большим недостатком.

Около полуночи на балу распространилась новость, которая вызвала много разговоров. В этот самый вечер из крепости Святого Ангела бежал, перерядившись, содержащийся в заключении молодой карбонарий; уже достигнув последних ворот тюрьмы, он в пылу романической отваги напал с кинжалом на солдат охраны, но его самого тоже ранили. Сбиры гонятся за ним по кровавым следам и надеются поймать его.

Пока все толковали об этом побеге, дон Ливно Савелли, восхищенный прелестью и успехом Ваины, почти обезумев от любви, воскликнул, провожая ее к креслу после танцев:

— Но скажите, бога ради, кто мог бы понравиться вам?

— Молодой карбонарий, бежавший сегодня из крепости. По крайней мере он что-то совершил, а не только дал себе труд родиться.

Князь Аздрубале подошел к дочери. Этот богач уже двадцать лет не требовал отчета от своего управителя, а тот давал ему в долг под весьма высокие

проценты его же собственные деньги. Встретив князя на улице, вы приняли бы его за старого актера; вы даже не заметили бы, что пальцы у него упицаны массивными перстнями с очень крупными бриллиантами. Оба его сына вступили в орден иезуитов, затем сошли с ума и умерли. Он забыл их, а на свою единственную дочь Ваину гневался за то, что она не выходит замуж. Девушке уже девятнадцать лет, а она отвергает самые блестящие партни. В чем тут причина? Причина была та же самая, которая побудила Суллу отречься от власти: *презрение к римлянам*.

Наутро после бала Ваина заметила, что ее отец, человек на редкость беззаботный, никогда в жизни не бравший в руки ключа, чрезвычайно старательно запер дверь на узкую лесенку, которая вела в комнаты, расположенные на четвертом этаже дворца. Окна этих комнат выходили на террасу, заставленную апельсиновыми деревьями в кадках.

Ваина отправилась в город с визитами; когда она возвратилась, парадный подъезд был загроможден сооружениями для иллюминации, и карета въехала через задний двор. Ваина подняла глаза и к удивлению своему увидела, что в одной из комнат, которые так тщательно запер ее отец, отворено окно. Отделавшись от своей компаньонки, она поднялась на чердак и, поискав, нашла там забранное решеткой окошечко напротив террасы с апельсиновыми деревьями. Раскрытое окно, заинтриговавшее ее, было в двух шагах. В комнате, очевидно, кто-то поселился. Но кто?

На следующий день Ваине удалось достать ключ от дверцы, которая вела на террасу с апельсиновыми деревьями. Крадучись, она подошла к окну — оно все еще было открыто. Ваина спряталась за решетчатым ставнем. У задней стены комнаты она увидела кровать. Кто-то лежал на ней. Ваина смутилась, хотела убежать, но вдруг заметила женское платье, брошенное на стул. Присмотревшись, она различила на подушке белокурую голову; лицо показалось ей совсем юным. Теперь она уже не сомневалась, что это женщина. Платье, брошенное на стул, было все в крови; кровь запеклась и на женских туфлях, стоявших на столе. Незнакомка пошвелелась, и тогда Ваина за-

метила, что она ранена: грудь ей стягивала полотняная повязка, на которой расплылось кровавое пятно; повязку придерживали какие-то тесемки — видно было, что она сделана отнюдь не руками хирурга.

Ванина стала замечать, что теперь ее отец ежедневно около четырех часов дня запирается в своих комнатах, а затем идет навещать незнакомку; он оставался у нее очень недолго, а возвратившись, тотчас же садился в карету и отправлялся к графине Вителлески. Как только он уезжал, Ванина поднималась на маленькую террасу и наблюдала за незнакомкой. Она чувствовала глубокую жалость и симпатию к столь юной, столь несчастной женщине и пыталась разгадать ее историю. Окровавленное платье, брошенное на стул, казалось, было изодрано ударами кинжала. Ванина могла сосчитать на нем дыры.

Однажды она более отчетливо разглядела незнакомку: та лежала неподвижно, устремив в небо голубые глаза, словно молилась, и вдруг ее прекрасные глаза наполнились слезами. В эту минуту княжна едва удержалась, чтобы не заговорить с нею.

На следующий день Ванина решила спрятаться на террасе перед появлением отца. Она видела, как дон Аздрубале вошел к незнакомке; он нес в руке корзиночку с провизией. Князь явно был встревожен, говорил мало и так тихо, что Ванина ничего не слышала, хотя он не притворил застекленную дверь. Он вскоре ушел.

«Должно быть, у этой бедняжки очень опасные враги,— подумала Ванина,— раз мой отец, человек такой беспечный, не смеет никому довериться и ежедневно сам поднимается сюда по крутой лестнице в сто двадцать ступеней».

Однажды вечером, когда Ванина, осторожно приблизившись, заглянула в окно, взгляд ее встретился со взглядом незнакомки, и все открылось. Ванина бросилась на колени и воскликнула:

— Я люблю вас, я ваш друг!

Незнакомка жестом попросила ее войти.

— Простите меня, простите, пожалуйста! — твердила Ванина.— Наверно, мое глупое любопытство кажется вам оскорбительным. Клянусь, я все сохраню

в тайне, а если вы пожелаете, я больше никогда не приду.

— Для кого не было бы счастьем видеть вас! — сказала незнакомка. — Вы живете здесь, в этом дворце?

— Конечно, — ответила Ванина. — Но вы, по-видимому, не знаете меня: я Ванина, дочь князя Аздрубале.

Незнакомка удивленно взглянула на нее и, густо покраснев, добавила:

— Позвольте мне надеяться, что вы будете приходить каждый день, но я не хотела бы, чтобы князь знал о ваших посещениях.

Сердце у Ванины сильно билось; все манеры незнакомки казались ей исполненными достоинства. Эта несчастная молодая женщина, вероятно, оскорбила какое-то могущественное лицо, а может быть, в порыве ревности убила своего возлюбленного. Ванина и мысли не допускала, чтобы причина ее несчастий могла быть заурядной. Незнакомка сказала, что она ранена в плечо и в грудь и ей очень больно. Часто у нее идет горлом кровь.

— И к вам не пригласили хирурга? — воскликнула Ванина.

— Вы же знаете, что в Риме, — сказала незнакомка, — хирурги обязаны немедленно сообщать в полицию о всех раненых, которых они лечат. Князь так милостив, что сам перевязывает мне раны вот этим полотном.

Незнакомка с благородной сдержанностью избегала сетовать на свои несчастья. Ванина была без ума от нее. Только одно очень удивляло княжну: она не раз замечала, что во время этого серьезного разговора незнакомка сдерживала внезапное желание засмеяться.

— Мне хотелось бы знать ваше имя, — сказала княжна.

— Меня зовут Клементина.

— Так вот, дорогая Клементина, завтра в пять часов я приду навестить вас.

На следующий день Ванина увидела, что ее новой подруге стало хуже.

— Я позову к вам хирурга,— сказала Ванина, целуя ее.

— Нет, лучше умереть! — возразила незнакомка.— Я ни за что не соглашусь повредить своим благодетелям.

— Подождите! Хирург монсеньора Савелли-Катанцара, губернатора Рима,— сын одного из наших слуг,— торопливо заговорила Ванина.— Он привязан к нам, а благодаря своему положению может никого не бояться. Напрасно мой отец не доверяет его преданности. Я сейчас пошлю за ним.

— Не надо, не надо! — воскликнула незнакомка с волнением, удивившим Ванину.— Приходите навещать меня, а если бог призовет меня к себе, я буду счастлива умереть на ваших руках.

На другой день незнакомке стало совсем плохо.

— Если вы любите меня,— сказала ей Ванина на прощание,— согласитесь принять хирурга.

— Если он придет, счастье мое рухнет.

— Я пошлю за хирургом,— настаивала Ванина.

Незнакомка, не отвечая, удержала ее и прищипла губами к ее руке. Наступило долгое молчание; у незнакомки слезы навернулись на глаза. Наконец она выпустила руку Ванины и с таким видом, будто шла на смерть, сказала:

— Я должна вам признаться: позавчера я солгала, назвав себя Клементиной. Я — несчастный карбонарий...

Ванина удивленно взглянула на нее, отодвинулась и встала со стула.

— Чувствую,— продолжал карбонарий,— что этим признанием я лишил себя единственной отрады, которая еще привязывает меня к жизни. Но я не хочу обманывать вас, это недостойно меня. Мое имя — Пьетро Миссерилли, мне девятнадцать лет: мой отец — бедный хирург в Сант-Анджело-ин-Вадо; я карбонарий. Нашу венту раскрыли. Меня в оковах привезли из Романьи в Рим, бросили в темный каземат, днем и ночью освещенный лишь маленькой лампочкой; там я провел тринадцать месяцев. Одной сострадательной душе явилась мысль спасти меня. Меня переделали в женское платье. Когда я вышел из тюрьмы и уже до-

стиг последних ворот, один из караульных грустно поносил карбонарисв; я дал ему пощечину. Уверю вас, я это сделал не из бесцельной удалости — я просто заблудился. Из-за этой моей опрометчивости за мной погнались по улицам Рима, и вот, в ночной темноте, раненный штыками, теряя силы от потери крови, я бросился в открытую дверь чьего-то дома. Слышу, солдаты бегут по лестнице за мною. Я прыгнул из окна в сад и упал в нескольких шагах от какой-то женщины, которая прогуливалась по аллее.

— Графиня Вителлески? Приятельница моего отца? — сказала Ваннина.

— Как! Разве она вам говорила? — воскликнул Миссирилли. — Кто бы ни была эта дама, она спасла мне жизнь; имя ее никогда не надо произносить. Когда солдаты ворвались к ней, чтобы схватить меня, ваш отец уже увозил меня в своей карете... Мне плохо, очень плохо: вот уже несколько дней штыковая рана в плече не дает мне дышать. Я скоро умру и умру в отчаянии, оттого что больше не увижу вас...

Ваннина слушала его нетерпеливо и поспешила уйти; Миссирилли не увидел в ее прекрасных глазах ни тени сострадания, а только оскорбленную гордость.

Ночью к нему явился хирург; он пришел один. Миссирилли был в отчаянии: он боялся, что больше никогда не увидит Ваннину. Он стал расспрашивать хирурга; тот пустил ему кровь, но на вопросы ничего не отвечал. То же молчание и в следующие дни. Пьетро не сводил глаз с застекленной двери, в которую обычно входила с террасы Ваннина. Он чувствовал себя глубоко несчастным. Однажды, около полуночи, ему показалось, что кто-то стоит в темноте на террасе. Неужели Ваннина?

Ваннина приходила каждую ночь и, прикинув к застекленной двери, смотрела на него.

«Если я заговорю с ним, — думала она, — я погибла! Нет, я больше никогда не должна его видеть».

Но, вопреки своему решению, Ваннина невольно вспоминала, какую дружбу она чувствовала к этому юноше, когда так простодушно считала его женщиной. И после столь задушевной близости позабыть его? В минуты благоразумия Ваннину пугало, что все для

нее как-то странно изменилось с тех пор, как Миссирилл открыл свое имя,— все, о чем она прежде думала, все, что постоянно видела вокруг, отошло куда-то, заволокло туманом.

Не прошло и недели, как Ванина, бледная, дрожащая, вошла вместе с хирургом в комнату карбонария. Она явилась сказать, что надо уговорить князя, чтобы он передал уход за больным кому-нибудь из слуг. Она пробыла только минуту, но несколько дней спустя опять пришла вместе с хирургом — из чувства чело-веколюбия. Однажды вечером, хотя Миссирилл стало уже гораздо лучше и у Ванины больше не было оснований бояться за его жизнь, она дерзнула прийти одна. Увидев ее, Миссирилл почувствовал себя на вершине блаженства, но постарался скрыть свою любовь: прежде всего он не желал уронить свое достоинство, как и подобает мужчине. Ванина вошла к нему в комнату, сгорая от стыда, боясь услышать любовные речи, и была очень опечалена, что он встретил ее словами дружбы, благородной, преданной дружбы, но без единой искры нежности. Когда она собралась уходить, Пьетро даже не пытался удержать ее.

Через несколько дней она пришла опять. Встреча была точно такая же: те же почтительные уверения в преданности и вечной признательности. Ванина теперь совсем не стремилась охладить восторги юного карбонария: напротив, она боялась, что он не разделяет ее любви. Девушка, прежде столь гордая, с горечью почувствовала, как велико ее безумство. Она старалась казаться веселой, даже равнодушной, стала бывать реже, но никак не могла решиться совсем отказаться от посещений больного.

Миссирилл горел любовью, но, помня о своем низком происхождении и оберегая свое достоинство, решил, что позволит себе заговорить о любви лишь в том случае, если целую неделю не увидит Ванины. Гордая княжна оборонялась стойко.

«Ну что ж! — сказала она себе наконец. — Я навещаю его, мне это приятно, но я никогда не признаюсь ему в своих чувствах».

Она подолгу засиживалась у больного, а он разговаривал с нею так, словно их слушали двадцать че-

ловек. Однажды вечером, после того, как Ванина весь день ненавидела его и давала себе обещание держаться с ним еще холоднее, еще суровее, чем обычно, она вдруг сказала ему, что любит его. Вскоре они всецело отдались своему чувству.

Итак, безумство Ванины оказалось безмерным, но, надо признаться, она была совершенно счастлива. Миссирилли уже не старался оберегать свое мужское достоинство: он любил, как любят первой любовью в девятнадцать лет, как любят в Италии. С чистосердечием беззаветной страсти он даже признался гордой княжне, какую тактику применил, чтобы добиться ее взаимности. Он был счастлив и сам дивился, что можно быть таким счастливым.

Четыре месяца пролетели незаметно. И вот настал день, когда хирург возвратил больному свободу.

«Что мне теперь делать? — думал Миссирилли. — По-прежнему скрываться у одной из красивейших в Риме женщин? А подлые тираны, державшие меня тринадцать месяцев в темнице, где я не видел солнечного света, подумают, что они сломили меня. Италия, ты поистине несчастна, если твои сыны способны так легко покинуть тебя!»

Ванина не сомневалась, что для Пьетро будет величайшим счастьем навсегда остаться с нею: он и в самом деле казался вполне счастливым. Но злая шутка генерала Бонапарта горьким упреком звучала в душе этого юноши и влияла на его отношение к женщинам. В 1796 году, когда генерал Бонапарт покидал Брешию, городские власти, провожавшие его до заставы, сказали ему, что жители Брешии чтят свободу больше, чем все остальные итальянцы.

— Да, — ответил он, — они любят разглагольствовать о ней со своими возлюбленными.

Пьетро несколько смущенно сказал Ванине:

— Сегодня, как только стемнеет, мне надо выбраться отсюда.

— Постарайся, пожалуйста, вернуться до рассвета. Я буду ждать тебя.

— На рассвете я уже буду в нескольких милях от Рима.

— Вот как! — холодно сказала Ванина. — А куда же вы пойдете?

— В Романью, отомстить за себя.

— Я богата, — продолжала Ванна самым спокойным тоном. — Надеюсь, вы примете от меня оружие и деньги.

Миссирилли несколько мгновений пристально смотрел ей в глаза и вдруг сжал ее в объятиях.

— Моя душа, жизнь моя! Ты все заставишь меня позабыть, даже мой долг, — сказал он. — Но ведь у тебя такое благородное сердце, ты должна понять меня.

Ванна пролила много слез, и было решено, что он уйдет из Рима только через день.

— Пьетро, — сказала она на следующий день, — вы часто говорили мне, что человек с именем — ну, например, римский князь — и к тому же располагающий большим состоянием, мог бы оказать делу свободы большие услуги, если когда-либо Австрия вступит в серьезную войну вдаль от наших границ.

— Разумеется, — удивленно сказал Пьетро.

— Ну так вот! Вы отважный человек, вам недостает только высокого положения: я вам предлагаю свою руку и двести тысяч ливров дохода. Согласия отца я добьюсь.

Пьетро бросился к ее ногам. Ванна вся сняла от радости.

— Я люблю вас страстно, — сказал он, — но я бедняк и я слуга своей родины. Чем несчастнее Италия, тем больше должен я хранить верность ей. Чтобы добиться согласия донна Аздрубале, мне пришлось бы несколько лет играть жалкую роль. Ванна, я отказываюсь от тебя!

Миссирилли спешил связать себя этими словами: мужество его ослабевало.

— На свою беду, — воскликнул он, — я люблю тебя больше жизни, и покинуть Рим для меня страшнее пытки! Ах, зачем Италия еще не избавлена от варваров! С какой радостью я уехал бы с тобою в Америку!

Ванна вся похолодела. Ее руку отвергли! Гордость ее была уязвлена. Но через минуту она бросилась в объятия Миссирилли.